

УДК 598.2

Ю.В. Линник

Петрозаводский государственный университет,
Музей космического искусства им. Н.К. Рериха,
Карельское отделение Ассоциации Музеев Космоса, г. Петрозаводск, Карелия

КОСМОС ВАСИЛИЯ КАНДИНСКОГО (04.12.1866–13.12.1944)

Ключевые слова: *космос и человек, архетипы, фитопсия.*
Анализируются некоторые стороны творчества Василия Кандинского.

Yu.V. Linnik

UNIVERSUM BY VASSILY KANDINSKY (04.12.1866–13.12.1944)

Key words: *Universum and man, archetypes, fitopsia.*
Some parties of creativity by Vassily Kandinsky are analysed.

1. КАНДИНСКИЙ – ДЕЛЬФЫ – СОКРАТ

Формула дельфийской мудрости – «Познай самого себя» – была на устах Василия Кандинского. Он охотно цитировал её.

Сократу приписывается развёрнутый вариант этого замечательного императива: «Познай самого себя – познаешь мир». По сути, художник реализовал в своём творчестве именно эту расширенную и уточнённую установку.

Элладу поразили образ философа, который, будучи солдатом-гоплитом, однажды *забылся* на вахте – всецело ушёл в себя, потеряв связь с внешним миром. Странная фигура!

Она высится в тысячелетиях как знаменательная веха, отметившая *антропологический поворот философии* – переключение её интересов с космоса на человека. Подчеркнём: космос не был потерян – но

теперь средством его познания стала ещё и *саморефлексия*. Или *интроспекция*!

Миры внутри нас: Василий Кандинский стал их живописать. Это было ново: вместо обычной натуры – сложная жизнь души. Объективное уступило субъективному. Предметное – беспредметному.

Василий Кандинский работал не возле поверхности, где мир вещей отражается в амальгаме идеального – его тянула глубина: динамика переживаний – энергичные эйдосы – архетипы. Создаётся ощущение; художник поэтапно – соответственно творческим периодам – открыл несколько миров. Или это был один эволюционирующий мир? Мы видим его на разных стадиях развития.

Тенденция здесь такая: нарастающее удаление от *φύσις* – неуклонное и необратимое самоуглубление – погружение на те уровни бессознательного, где оно граничит с ноуменальным, премирным. Будем держаться этой гипотезы. Мастерская Василия Кандинского – как батискаф, опускающийся в пучину пневматосферы: мы припадаем к иллюминаторам – и видим небывалое.

2. К ПОКАЗАНИЯМ ГЛУБИНОМЕРА

Граница между *предметностью* и *беспредметностью*: Василий Кандинский первым вышел на неё – но работал здесь недолго. Получены удивительные результаты! Мы видим, как истаивают конкретные формы, расплываясь и растворяясь – назад их уже не вернуть. Похоже на возвращение в изначальный хаос? Он не отталкивает. Не страшит. Его эстетическая привлекательность несомненна. Это зиждительный – креативный – положительный хаос.

Именно в таком своём проявлении он интересовал Илью Пригожина. Все привычные контуры размыты. Прежняя система ориентации перестала работать. Что нам поможет адаптироваться к эстетике абстрактной Вселенной?

Сейчас будет уместным вспомнить о *фитопсии*. Вот как её суть определяет Википедия: «Появление в поле зрения беспредметных образов – движущихся точек, пятен, фигур, чаще светящихся, блестящих». Чем не ресурс для абстрактного искусства? Вот два характерных случая *фитопсии* – в терминах специалистов: «молнии» – лучащиеся зигзаги, кольца, спирали, другие отвлечённые формы; «искры» – яркие световые точки, образующие в поле зрения подвижные композиции.

Обратная сторона века становится экраном, на который проецируются своеобразные картины! Разве среди полотен Василия Кандинского мы не найдём что-то близкое к ним? Это, конечно, игра. Но её польза в том, чтобы показать: абстракции спонтанно возникают на сетчатке наших глаз – их генезис далёк от полного понимания.

Если встать на позиции махистской гносеологии, то явление *фитопсии* – сильнейший аргумент в пользу активности нашего восприятия: оно способно творить структуры, никак не связанные с его отражательной функцией. Это самодовлеющее! Независимое от реальности!

Солипсизм – с его культом мирозозидающего «Я» – получает поддержку от физиологии. Василий Кандинский (2001a) пишет: «Но не есть ли и всё – материя? Но не есть ли и всё – дух?» (с. 105). Эта релятивизация объективного и субъективного сближает художника с Джорджем Беркли, Эрнстом Махом, Рихардом Авенариусом. Лучшее резюме их философии – в приложении к проблемам творчества – мы находим у Бориса Пастернака:

*И сады, и пруды, и огады,
И кипящее белыми воплями
Мирозданье – лишь страсти разряды,
Человеческим сердцем накопленной.*

Картины Василия Кандинского 1910-х годов – сплошь такие разряды. Экспрессия здесь первенствует. Запечатлевается волнение души. В нём много турбулентностей.

3. DE PROFUNDIS

Чем глубже – тем спокойнее. Вчера в картинах было много музыки – сегодня в них устанавливается тишина. Улавливаете её предвечные гармонии? Мир чистых форм – чистых вибраций – чистых отношений!

Для меня поздние работы мастера – как окна в ту высшую реальность, которая открывалась Платону. Глубоко убеждён: каждый воспринимает её по-своему – многое задаётся и определяется нашей субъективностью.

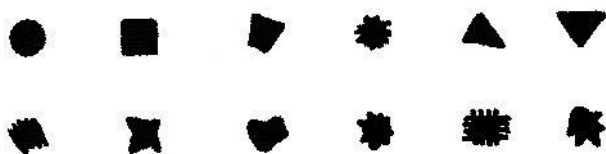
Пит Мондриан – Казимир Малевич – Василий Кандинский: это, конечно же, платоники. Все трое были вхожи в царство идей. Но преломляли его всегда неповторимо.

Разумеется, одну и ту же натуру по-разному напишут Ван Гог и Левитан, Моне и Ромадин. Однако при передаче трансцендентного – тех измерений бытия, что находятся за чертой обычной чувственности – коэффициент индивидуальности возрастает на несколько порядков. Мы создаём в мире вещей. Но в мире идей у нас куда как больше возможностей. Сколько новых степеней свободы! Авангард с энтузиазмом осваивал их.

Вернёмся к нашим художникам-платоникам. При уникальности каждого, мы всё же видим: наличествуют инварианты – схожие мотивы и принципы. Сближение происходит на уровне *архетипов*.

У трёх мастеров, названных нами, они связаны с геометрией, понятой метафизически – как направляющая канва бытия, его порождающее поле, творящая матрица.

Построение своего космоса Василий Кандинский начинает с *точки*. Как сейчас не вспомнить *точку сингулярности*? Поразительное созвучье!

Примеры форм точки.

Геометрическая точка *нульмерна*. Физическая точка – *условная модель*. Монада – согласно Г.В. Лейбницу – есть *метафизическая точка*. У Василия Кандинского мы имеем нечто совсем другое – его *художническая точка* не знает аналогий. Это ведь оксюморон: *форма точки*. Мощнейшее столкновение смыслов! Ведь что делает художник? Он портретирует абстрактную точку!

Приведём текст художника – возникают аллюзии и с дзэн-буддизмом, и с Людвигом Витгенштейном:

«Геометрическая точка — невидимое существо. Её надо определить как нематериальное существо, в материальном смысле она равна нулю. Но в этом нуле скрыты разнообразные "человеческие" свойства. В нашем представлении этот нуль, геометрическая точка, связан с высшей степенью краткости, т.е. самой большой сдержанностью, к тому же говорящей. Таким образом, геометрическая точка в нашем представлении — высшая и единственная связь молчания и слова. Поэтому геометрическая точка находит свою материальную форму прежде всего в письменности — она принадлежит языку и означает молчание» (Кандинский. 2001б. С. 106).

Василий Кандинский эксплицирует из точки все праформы и праструктуры. Особое место в его космосе занимает треугольник. Процитируем мастера: *«Большой остроконечный треугольник, разделённый на неравные части, с самой маленькой и острой частью, обращённой вверх, — вот каков вид духовной жизни, представленный в верной схеме»* (Кандинский, 2001б. С.100).

Это ли не ключевая графема космизма? Всё растущее вписывается в *конус тяготения*. При проекции на плоскость он даёт *треугольник*. Чем острее угол, тем круче порыв. Тенденцию на заострение выражают и западноевропейская готика, и русское шатровое зодчество.

Мы помещаем рядом два варианта одной картины Василия Кандинского. Такое соположение усиливает их порывность.

В космических ракетах – точка нашего роста. Они изоморфны треугольнику Василия Кандинского. Сколько раз художник изобразил их старты? Понятно, что я это говорю как поэт – даю волю воображению. Но разве эти картины не могли бы украсить бы Байконур?

4. КОСМОС И БИОС

Космос у Василия Кандинского эволюционирует. Вот внутри него звучит музыка – вот в нём зарождается жизнь – вот он вторит пифагоровым сферам.

В 1930-е годы мастер пересекся с Хансом Арпом и Хуаном Миро – они привнесли в абстракцию биологический момент. У русского художника звучат схожие ноты. Будто нам явлен какой-то межзвёздный планктон! Можно бесконечно любоваться разнообразием его форм. Другие каноны? Неведомые стили? Новые для нас меры?

Василий Кандинский предвосхищает Бенуа Мандельброта, когда пишет: «Однако можно весь «мир» рассматривать как одну замкнутую в себе космическую композицию, которая, в свою очередь, состоит из бесконечных, самостоятельных, также замкнутых в себе и всё уменьшающихся композиций, в большей или меньшей степени состоящих из тех же точек, и при этом, точка, в свою очередь, возвращается к своей первоначальной геометрической сущности» (Кандинский, 2001б. С.120).

Это читается как введение в теорию фракталов, которой задан космологический контекст.

Список использованной литературы

Кандинский В.В. О духовном в искусстве // Избранные труды по теории искусства. Т. 1: 1901-1914. М.: Гилея, 2001а. 392 с.

Кандинский В.В. Точка и линия на плоскости // Избранные труды по теории искусства. Т. 2: 1918-1938. М.: Гилея, 2001б. 344 с.

Рецензент статьи: Ковалёв Рудольф Николаевич, доктор технических наук, профессор, зав. кафедрой Уральского государственного лесотехнического университета.